

— Это гусеница, пожирающая сердце. В прошлом одна из колдуний из Культа Демонов особенно славилась использованием гусениц, и несколько героев мира боевых искусств погибли от её рук. Если вовремя не принять лекарство, подавляющее гусениц, всего за один день они вылупятся, размножатся и заставят жертву испытать мучительную боль, прежде чем разорвать кишечник и живот. Однако эти гусеницы не живут долго вне тела жертвы и особенно боятся холода, так что не стоит слишком беспокоиться, — сказал Чжан Чжаочунь.

Эта глава альянса боевых искусств был практически живой энциклопедией и быстро определил причину смерти Ван Чунжэна.

— Культ Демонов?

Тут же все начали оживлённо обсуждать. Кажется, ни один мир боевых искусств не обходится без Культа Демонов. Независимо от того, какой это культ, он является неотъемлемым элементом.

— Но разве Культ Демонов не был уничтожен много лет назад, и больше не слышно о его последователях?

— Да, та колдунья, владевшая искусством гусениц, умерла давно.

— Разве у неё были ученики?

— Когда она умерла, говорят, она всё ещё выглядела как юная девушка. Откуда у неё могли быть ученики?

— Может, она просто умела сохранять молодость?

...

Кто-то сразу же обратился к Чжан Чжаочуню:

— А старый господин Ван тоже умер от гусениц?

— Нет, — ответил Чжан Чжаочунь. — Старый господин Ван умер от странного боевого искусства под названием «Девять замков и перекрученные сухожилия». Я только читал о нём в книгах. Говорят, оно было утеряно много лет назад. Не думал, что кто-то до сих пор им владеет.

— Это боевое искусство связано с Культом Демонов?

— Нет, в прошлом его использовал Янь Цицзюнь, известный как Ночной Ямараджа.

— Ох, этот жестокий человек!

Хотя это и не было связано с Культom Демонов, Ночной Ямараджа явно не был человеком из светлого пути.

В этот момент Ван Чунчжи с подозрением посмотрел на Хуэй Сюя:

— Пожалуйста, объясни, почему ты не был в банкетном зале.

Хуэй Сюй, не проявляя эмоций, спокойно ответил:

— Еда в банкетном зале не подходила для монаха. После того как мы обнаружили смерть старого господина Вана, у меня оставалось несколько вопросов, на которые я не мог найти ответа, поэтому я вышел из зала и задал несколько вопросов уездному начальнику Вану. Когда я видел его, он ещё не пропал и с ним всё было в порядке.

Действительно, на банкете в честь дня рождения семьи Ван почти все блюда были из мяса. Возможно, изначально были и вегетарианские блюда, но в итоге на стол подавали только тяжёлую пищу, часто приготовленную на животном жире, что явно не подходило для Хуэй Сюя, строго соблюдавшего монашеские обеты.

На самом деле многие монахи, странствующие по миру боевых искусств, не слишком строго придерживаются запрета на мясо. Если практикующие боевые искусства едят только растительную пищу, им трудно поддерживать силы.

Даже в такой бедной школе, как Школа Озерного Меча, чтобы ученики могли тренироваться, приходилось покупать дешёвые субпродукты.

В те времена, когда не было столько приправ и способов приготовления, а обработка была грубой и небрежной, Мэн Хайпин, вспоминая вкус этих субпродуктов, хотел смахнуть горькую слезу.

Но в богатом Храме Защитника Государства это не было проблемой. Хотя они строго соблюдали обеты и не прикасались к мясу, монахи-бойцы были сильнее, чем обычные люди из мира боевых искусств.

Яфэй знал, что монахи Храма Защитника Государства с детства принимали пилюли для укрепления тела, которые могли восполнить силы и укрепить здоровье. Говорили, что рецепт этих пилюль был невероятно мощным, и их основой были женьшень и линчжи. Цена одной пилюли равнялась стоимости нескольких столов, полных мяса.

— Вопросы? Какие у тебя были вопросы? — спросил Яфэй.

Ван Чунчжи нахмурился, глядя на Яфэя. Он знал, что Хуэй Сюй тоже был из столицы, как и Яфэй, и они, казалось, были знакомы.

Хуэй Сюй тихо сказал:

— Я стоял рядом с телом старого господина Вана и читал молитвы. Рядом с его стулом я нашёл сломанную кисть с каплями крови. Кроме того, за стулом была смятая бумага, но на ней не было никаких записей, словно её просто бросили там.

— И что? — тон Ван Чунчжи был явно недружелюбным, так как он уже подозревал Хуэй Сюя.

Хуэй Сюй спокойно посмотрел на него:

— Я думаю, что старого господина Вана не убили из мести или с целью намеренно замучить. Его пытали, чтобы заставить что-то написать, но до самой смерти он не произнёс ни слова!

Эти слова вызвали у всех шок.

Честно говоря, когда все впервые увидели тело старого господина Вана, первая мысль была о мести. В конце концов, он умер слишком ужасно. Если бы не было глубокой ненависти, зачем убивать его так жестоко?

Но теперь, когда речь зашла о пытках... это вполне возможно. Он умер мучительно, потому что не говорил.

Такое объяснение тоже имело смысл.

— Пятый господин Ван, не стоит больше подозревать меня. Во-первых, когда я прибыл сюда, глава альянса Чжан уже был здесь, и мы все видели, как уездный начальник Ван испустил последний вздох. Во-вторых, гусеницам требуется день, чтобы вылупиться. Я прибыл в Храм Воздаяния за Доброту только вчера вечером и не покидал его до сегодняшнего дня, когда пришёл поздравить с днём рождения. Вы можете спросить об этом у монахов, которые не знают меня и не имеют со мной никаких связей. У меня не было ни времени, ни возможности подложить гусениц уездному начальнику Вану.

— А когда умер старый господин Ван, я только что вошёл в усадьбу и затем всё время находился в банкетном зале. Все присутствующие могут подтвердить это.

Хуэй Сюй вздохнул:

— Я не убийца и не имею причин убивать их.

Ван Чунчжи задумался и понял, что это действительно так. Этот монах... вряд ли мог быть убийцей.

Объяснение Хуэй Сюя было чётким и логичным. Он говорил медленно и спокойно, что само по себе уже было убедительным.

После его слов почти все присутствующие люди из мира боевых искусств решили, что этот монах был наименее вероятным убийцей.

К тому же этот молодой монах, стоявший здесь, излучал ауру высокого духовного уровня, его лицо было красивым, а выражение — полным сострадания. Как бы ни смотрели на него, он явно не был связан с убийством.

Яфэй внимательно посмотрел на Хуэй Сюя и через некоторое время не смог сдержаться, обратившись к Цан Юаню:

— А Хуэй Сюй тоже кажется странным?

Если он был обычным смертным, то его аура была слишком выдающейся.

Неудивительно, что до того, как мои воспоминания вернулись, я принял его за замену Цан Юаню. В Хуэй Сюе действительно было что-то особенное.

Даже если он был подделкой, Цан Юань был кем? Самым молодым и красивым Бессмертным Владыкой Девярых Небес, настоящим кумиром клана Бессмертных, с лицом и аурой высшего уровня.

Яфэй признался себе, что, хотя он часто думал, что был слеп, если бы всё началось заново, он, вероятно, снова ослеп бы... и сколько бы раз это не повторялось, результат был бы тем же.

Перед таким уровнем искушения никто не отступит, пока не ударится о стену.

Цан Юань спокойно произнёс:

— Я думал, ты уже давно понял, кто он. Возможно, ещё до того, как твои воспоминания вернулись, подсознательно ты узнал его.

Его голос звучал странно кисло, и Цан Юань не хотел признавать, но, произнося эти слова, его голос действительно звучал с горечью.

Яфэй удивлённо расширил глаза:

— Кто?

— Это Ми Инь, Ми Инь, который был наказан за нарушение границы между миром Бессмертных и миром Демонов и отправлен в мир смертных, чтобы пройти испытание.

Ми Инь, единственный Истинный Бессмертный, которого Яфэй признавал другом, тот, кто много раз тайно пропускал его в мир Бессмертных.

Цан Юань признался, что с давних времён он ненавидел Ми Иня.

Яфэй: ...

Подожди, ты говоришь, кто это?

[Авторское примечание:

Яфэй: Прости, друг, я действительно не узнал тебя и принял за замену Цан Юаню. Ну, вы оба — Бессмертные, и аура у вас похожа, так что винить меня не за что.

Ми Инь: Эта дружба из пластика мне не нужна.

Яфэй: ...

На самом деле винить Яфэя не стоит, потому что Бессмертные, спускающиеся в мир смертных, чтобы пройти испытание, делают это с помощью своей души. Это значит, что, находясь в мире смертных, их внешность отличается от той, что была в мире Бессмертных.

Конечно, из-за влияния души Бессмертного даже самое обычное тело смертного получает огромное усиление, словно на него наложили мощный фильтр красоты. Вдобавок к естественной ауре Бессмертных, это делает каждого, кто проходит испытание, выдающимся существом.

Например, этот монах Хуэй Сюй с детства славился своей мудростью и был принят в ученики старым монахом, который, хотя и не был настоятелем Храма Защитника Государства, уже был просветлённым мастером.

Он был красив и одарён, и в столице он, пожалуй, был даже более известен, чем Яфэй.

Однако Яфэй никогда не думал, что Хуэй Сюй мог быть Ми Инем.

Боже, я даже не мог представить!

К счастью, Ми Инь ничего не помнил, иначе мои попытки его соблазнить были бы крайне неловкими.]

<http://bllate.org/book/15417/1371399>